

«РУССКИЙ ПОВОРОТ» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СССР НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ: ОЦЕНКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ *

М.С. Каменских, *Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН*

Проанализированы основные исторические труды, касающиеся истории одного из наиболее сложных переходных периодов в национальной политике СССР, когда в период с начала 1920-х до середины 1930-х годов ее приоритеты от ценностей интернационализма и борьбы с великорусским шовинизмом сменились на обращение к образам великого прошлого, державности и опоры на русский народ как «старшего брата» в семье советских народов. В статье проанализированы точки зрения наиболее известных отечественных и зарубежных авторов на так называемый «русский поворот». Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что отечественные исследователи не видят в этих переменах изменения статуса русских и не склонны рассматривать произошедшие внешние изменения как сущностные, в то время как зарубежные исследователи уделяют теме русских и изменению их статуса намного больше внимания, связывая эти процессы с русификацией.

Ключевые слова: *государственная национальная политика, национально-государственное строительство, русские в СССР, историография.*

К началу 1930-х годов советская национальная политика подошла в сформированном виде. Названная И. Сталиным «национальной по форме, социалистической по содержанию» [10], она выражалась в поддержке и развитии образования на родных языках, политике коренизации, комплексов мероприятий для отдельных этнических групп. Однако уже к середине 1930-х годов в национальной политике произошли видимые изменения: она эволюционировала от поддержки культур нерусских народов и борьбы с великодержавным русским шовинизмом к восприятию русского народа как главного в семье советских народов, «старшего брата».

Ценности интернационализма уступили место идеям государственности, державности. Роль русского народа в прошлом и настоящем советского общества была переосмыслена. Даже на уровне официальной риторики власти обратились к образам досоветской России, а русский народ и русская культура получили официальную поддержку. Российский исследователь А.И. Вдовин в своей монографии приводит сразу несколько издательских и пропагандистских проектов, развивавших концепцию русского народа как «старшего брата» в семье советских народов» [2, с. 135–137]. Формально этот процесс смены приоритетов националь-

* Статья публикуется в рамках реализации гранта РФФИ проект, № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

ной политики завершился к середине второй половины 1930-х годов.

Начало «русского поворота» связывается с тостом И. Сталина за русский народ, произнесенным 6 июля 1933 года во время посещения его дачи делегацией художников, когда он сказал: «Самый лучший народ – русский народ, самая советская нация... Выпьем за советскую нацию, за прекрасный русский народ» [2, с. 135–137]. Яркими примерами, демонстрирующими завершение процесса смены официального курса национальной политики, стали статья в газете «Правда» от 1 февраля 1936 года, где русский народ был назван «первым среди равных» [9], а также знаменитое выступление И. Сталина от 07.11.1938, где он сказал, что «среди равных наций и государств и стран в СССР самая советская, самая революционная это – русская нация» [4, с. 168].

Все произошедшие изменения, так или иначе, были связаны с русским языком, историей и культурой русского народа как основы государства. В этой связи в историографии и публицистике, особенно за рубежом, появилось немало мнений о «русификаторской политике» советского режима 1930-х годов [8, с. 304]. Начались дискуссии о том, имеют ли эти изменения чисто внешний характер, не затрагивающий фундаментальных основ национальной политики, либо можно говорить о ее кардинальных переменах. Таим образом, причины и движущие силы этой эволюции взглядов руководства СССР, безусловно, являются важным предметом для исследования и во многом характеризуют не только национальную политику, но и изменения в советском обществе 1930-х годов. В данной статье представлены взгляды наиболее выдающихся историков, специализирующихся на национальной политике СССР в России и за рубежом, на проблему «русского поворота».

В советской историографии изменения в национальной политике 1930-х годов не

изучались. Современные российские ученые, признавая сам факт эволюции, дают ему разные трактовки и интерпретации. Обращает на себя внимание и тот факт, что в работах отечественных исследователей изменениям в национальной политике начала 1930-х годов уделяется немного внимания. Этот тон был задан еще в коллективном труде «Национальная политика в России: история и современность». «В западной историографии стало уже традиционным утверждение о 30-х годах как о периоде реанимации идей русского национализма... думается, что в данном подходе есть большие натяжки», – пишут авторы [8, с. 304]. Они соглашаются, что «внутренняя и внешняя политика модифицировались», но при этом «своих фундаментальных оснований не изменили», поскольку власти не отказались от идеи мировой революции и национально-территориального деления страны [8, с. 305].

Крупнейший специалист современной России по национальной политике В.Ю. Зорин в своем последнем авторском учебнике также не выделяет произошедшую в 1930-е годы смену приоритетов национальной политики как отдельную область для анализа, используя проблемный, а не хронологический подход в характеристике национальной политики РСФСР [5, с. 175–176]. Схожую позицию высказывают авторы Т.М. Мاستюгина, Л.С. Перепелкин, В.Г. Стельмах. По их мнению, опора на патриотизм и национальные чувства населения были, в первую очередь, «следствием усиления международной изоляции и курса на построение социализма в отдельно взятой стране» [7, с. 197].

Удивительно, но в монументальном труде В.Г. Чеботаревой, посвященном реализации национальной политики в 1925–1938 годах также не уделяется внимание русскому вопросу в начале 1930-х годов. Автор детально анализирует процесс создания РСФСР, дискуссии о придании ей статуса «русской республики», а начало

1930-х годов В.Г. Чеботарева не склонна рассматривать как период возвышения русских и русской культуры. По мнению автора, на протяжении всего довоенного периода «логика государственного устройства, обеспечившего приоритет этнических интересов титульных народов, загнала славянские анклавы в капкан политического бесправия» [13, с. 797]. Тезис о «старшем брате» она называет «лицемерным», утверждавшим «мнимое превосходство» русского пролетариата и русской интеллигенции. «Нет сомнения в том, что славянские этносы не были одурачены этим фальшивым пропагандистским тезисом», – заключает она в своей монографии [13, с. 798].

Между тем, в целом характеризуя национальную политику СССР, В.Г. Чеботарева видит эволюцию и отмечает, что в начале 1930-х годов органы власти находились в состоянии кризиса, что и знаменовало изменения в акцентах советской национальной политики. Выделение дополнительных средств на подавление недовольства отдельных районов, репрессии, эмиграция – все это, по мнению автора, свидетельствует, «что в 1930-х годах государственная национальная политика находилась в состоянии перманентного кризиса» [13, с. 804]. Но это не повлияло на смену статуса русских в государстве. В этот период, по словам В.Г. Чеботаревой, национальная политика и органы власти, ее реализовывавшие, получают все меньше возможностей для принятия собственных решений, а «на смену государственной национальной политике пришла безраздельная диктатура Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным» [13, с. 805]. Близкой к этому можно назвать и позицию академика В.А. Тишкова назвавшего ситуацию того периода «политической и моральной дезинтеграцией русских» [11, с. 280].

В целом, в работах отечественных исследователей проблема смены приоритетов в национальной политике в пользу «русскости» в середине 1930-х годов представ-

лена слабо. Исключением может считаться работа А.И. Вдовина, специально посвятившего проблеме русских в СССР отдельную монографию. В смене акцентов национальной политики СССР он видит некую безальтернативность развития сталинского режима, полагая, что «отсутствие реальной альтернативы национально-государственного коммунизма создавало благоприятные условия для эксплуатации национально-патриотической идеи» [2, с. 112].

Зарубежные исследователи, напротив, обращают больше внимания на изменение статуса русских в 1930-е годы и причины этого явления. Ю. Слезкин, в частности, в своем исследовании, делает акцент на изменении статуса русских. Он называет появление русских в национальной политике «самым ярким новшеством начала 30-х годов»: «... поначалу осторожно, но потом все более самоуверенно партия начала снабжать русских национальным прошлым, национальным языком и хорошо знакомой национальной иконографией во главе с Александром Сергеевичем Пушкиным» [14, с. 435]. Французский советолог Н. Верт в своей «Истории советского государства» посвящает анализу «русского поворота» целый раздел, рассматривая смену приоритетов внутренней политики как некую потребность общества в социальной защите и стабильности, которое оно потеряло в период революционных преобразований. Границу перехода он видит уже в масштабных мероприятиях 1934–1935 годов по популяризации истории до-советской России, поиске новых национальных героев и укреплению семьи и нравственности [3, 163–164].

Один из крупнейших специалистов по русским в СССР Дж. Хоскинг связывает причины изменений в национальной политике с неизбежностью именно такого подхода в условиях русскоязычного большинства: «для всех русских, как самого многочисленного из советских народов, требовалась социальная память, легенды о дости-

жениях и народные празднества, чтоб затянуть образовавшиеся трещины и укрепить фундамент нового общества» [12, с. 166–167]. По мнению ученого, интенсивный научно-технический прогресс имел «скрытый характер русификации», поскольку все официальная литература, инструкции, приказы, продукция – все издавалось на русском языке [12, с. 167]. Дж. Хоскинг отмечает рост национализма в начале 1930-х годов и боязнь советского руководства потерять собственные территории. На примере Украинской ССР начала 1930-х годов он показывает наличие «кризиса корензации», когда местные языки уже начинали вытеснять русский. По его мнению, этот неожиданный факт беспокоил советских лидеров и также подтолкнул их к смене приоритетов [12, с. 167].

Обстоятельно анализирует вопрос смены идеологического курса в первой половине 1930-х годов Д. Брандербергер. В своей монографии он не рассматривает отдельно национальную политику, но связывает ее эволюцию с общим кризисом советской пропаганды. По мнению ученого, «... возрождение большевиками этнической и гендерной дифференциации... выглядит не столько прагматичным переосмыслением марксистско-ленинских ценностей, сколько паническим латанием дыр под популистские лозунги» [1, с. 260]. А «решение партийных вождей масштабно эксплуатировать русские национальные образы, риторику и иконографию» он называет «самой неоднозначной из уступок» для решения этой проблемы [1, с. 14].

Процесс эволюции национальной политики детально рассматривает и Т. Мартин, автор «Империи положительной деятельности» – самой цитируемой работы по истории национальной политики за рубежом. Он видит истоки смены приоритетов еще в постановлениях Политбюро от декабря 1932 года, раскритиковавших ход украинизации. Создание «русского пространства РСФСР», по его мнению, стало результа-

том осознанно проводившейся стратегии национальной консолидации и «институциональной русификации» [6, с. 565]. Последовавшее в 1934 году упразднение национальных районов в РСФСР ученый называет «административной русификацией» [6, с. 554–555]. Причины этого Т. Мартин видит в росте недоверия Советского государства к населению приграничных областей. Это опасение дало соответствующую реакцию – готовность положиться на русских как на государственное большинство. Русификация РСФСР, таким образом, была задумана для того, чтобы укрепить русский центр [6, с. 566]. Он также связывает это с боязнью возникновения самостоятельной русской республики еще в 1920 годах. Т. Мартин подчеркивает, что «русские региональные руководители ощущали, что у них нет своей республики и республиканской партии, которая защищала бы их интересы» [6, с. 566]. Однако, как он считает, несмотря на внешние изменения фактически многие процессы коренизации продолжились, Исследователь подчеркивает, что «реабилитация русского национального самовыражения не повлекла за собой перехода от национального строительства к русификации» [6, с. 566].

В целом, историки сходятся во мнении, что в начале 1930-х годов страна находилась в состоянии некоего кризиса и переосмысления приоритетов во внутренней политике: население в большинстве не понимало целесообразность бурных социальных перемен и поддержка советской власти начинала падать. Смена приоритетов в национальной политике, если она была, стала одной из попыток выйти из этого кризиса. Но суть произошедших изменений и их интерпретация видятся по-разному: от идеологического кризиса и поиска новых идей – до безальтернативности в выборе русских как опоры режима. Все это нашло свое отражение и в визуализации национальной политики, и в языковой политике, и ряде других сфер общест-

венной жизни. Причем отечественные историки в большинстве не склонны видеть особые изменения в статусе русских или кардинальную смену приоритетов в нацио-

нальной политике, в то время как в зарубежной историографии изменения обычно связываются с изменением статуса русских и даже курсом на русификацию.

Библиографический список

1. *Брандербергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. – М.: РОССПЭН, 2017. – 367 с.
2. *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа / А. И. Вдовин. – М.: Вече, 2013. – 624 с.
3. *Верт Н.* История советского государства. 1900-1991: Пер. с фр. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
4. Запись выступления Сталина И.В. 07.11.1938 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 168. Документ размещен на URL.: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=51223;tab=img/>
5. *Зорин В.Ю.* Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века. – М.: Юрайт, 2018. С. – 251.
6. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский фонд Б.Н.Ельцина, 2011. – 855 с.
7. *Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г.* Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учебное пособие. – М.: Форум, 2013. – 304 с.
8. Национальная политика в России: история и современность. – М.: Русский мир, 1997. – 680 с.
9. Правда. 1936. 1 фев.
10. *Сталин И.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б), 27 июня 1930 года // Правда. 1930. 29 июня.
11. *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир, 1997. – 532 с.
12. *Хоскинг Дж.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / пер. с англ. В. Артемова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 544 с.
13. *Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. – М.: ГУ «Московский дом национальностей», 2008. – 832 с.
14. *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review 53 (Summer 1994). – P. 414–452.

«THE RUSSIAN TURN» IN THE USSR NATIONAL POLICY IN THE 1930s: ESTIMATES OF RUSSIAN AND FOREIGN

M.S. Kamenskikh

Perm Federal Research Centre UB RAS

The article looks into the major historical works covering one of the most difficult periods in Soviet national policy. From the beginning of the 1920s to the mid-1930s its priorities turned away from the values of internationalism and struggle against «Russian chauvinism» towards the appeal to the great past of Russia, its sovereignty and reliance on the Russian people as an «elder brother» in the family of Soviet peoples. The article analyzes the points of view of the most famous Russian and foreign authors on the so-called «the Russian turn». The analysis leads to conclusion that Russian researchers are not inclined to consider the external changes to be essential, changing anyhow the status of Russians, while foreign researchers pay much more attention to the changes in the status of Russians regarding these processes as russification.

Keywords: state national policy, national-state building, Russians in the USSR, historiography.

Сведения об авторе

Каменских Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ПФИЦ УрО РАН), 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: pomidorrr@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12.09.2019 г.